

и честь ее, которую мы унижаем, надобно защитить от пренебрежения со стороны ее чад, лишить сих похитителей их поживы и помимо того хотелось бы опередить лучшие умы нашего века и с помощью трех оправданий моего греха сполна получить по моей закладной.

К слову сказать, выходит, что ныне я говорю почему-то не о моем сочинителе и его достоинствах и достижениях. Я ему служу уже двадцать восемь лет и почти все время в боевом строю, поскольку он занимает пост важного военачальника⁸, что связано с немалыми заботами, ибо в его попечении ставка главнокомандующего, так что приходится вникать во все. Наиболее любимые свои писания он сочинял в седле или в окопе, увлеченный не только ложными передвижениями войск, но и другими делами, сиречь духовной пищей, невзирая на час дня и время года. Мы корили нашего повелителя, которому подавай на стол морскую рыбу, хотя ее надобно было вести за сто лиг. Но что более всего выводило нас из себя, это невозможность заставить его перечитывать написанное. Кто-то о нем сказал, что он проявил себя в разных областях, но по нашему разумению он утратил все свои достоинства из-за небрежения в делах, хотя ему доставало и небольших усилий. Об этом качестве нашего хозяина скажем с большой похвалой, хотя мы этим и не грешим. Мы бывали с ним бесцеремонны, что должно кому-то быть по душе: в частности, когда попадались просторечия. Возражая нам, он все же строил стих согласно нашему желанию, однако ворчал, что старик Ронсар, коего он почитал выше всех современных ему⁹ сочинителей, говаривал ему и другим: «Дети мои, берегите свою мать, родную нашу речь, от всех, кто благородную девицу хочет обрядить служанкой. Сколько исконно французских слов, в коих ощущаем старую вольную Францию, таких как